

П. С. ВОЛКОВА, В. И. ШАХОВСКИЙ

*Краснодарское высшее военное Орденов Жукова и Октябрьской Революции
краснознамённое училище имени генерала армии С. М. Штеменко*

г. Краснодар, Россия

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

г. Волгоград, Россия

ORCID: 0000-0002-2424-7521, polina7-7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1237-1226, shakhovsky2007@yandex.ru

Духовность в аспекте искусства

В центре статьи – духовность как надприродный феномен, реализуемый посредством смыслообразования. Решая в рамках полипарадигмальности вопрос о двойственном характере языка, авторы постулируют мысль о том, что в случае индивидуальной информационной системы как самоорганизующегося природного механизма язык предстаёт в качестве продукта деятельности, будучи средством коммуникации. Напротив, в случае индивидуальной концептуальной системы, актуализируемой посредством организации системы информационной, язык являет собой деятельность, выступая в качестве средства мышления. При этом в обоих случаях особая роль отводится эмотивности – лингвистической категории, обуславливающей мотивацию значения и формы. Обращаясь к визуальной поэзии, авторы демонстрируют принципиальное несовпадение анализа художественного произведения, рассматриваемого с позиции продукта деятельности, и анализа того же художественного произведения как деятельности (мыследеятельности). Если установка на готовый продукт обеспечивает авторскому высказыванию статус монолога (коммуникативное воздействие), то установка на деятельность инициирует состоятельность гармонизирующего диалога (коммуникативное взаимодействие) как опыта по согласованию противоречий, возникающих между автором и читателем. Высказывается гипотеза: аналогично тому, как бессмыслица выступает маркёром бездуховности, смыслообразование коррелирует с духом. Отталкиваясь от двойственной природы человека, отмеченной биологическим (материальное) и социальным (духовное) измерениями, авторы осуществляют опыт экзегетики таких символов Ветхого и Нового заветов, как древо познания добра и зла, крест, триединство Отца, Сына и Святого Духа.

Ключевые слова: язык как система, эмотивность, биологическое (материальное) и социальное (духовное) измерение человека.

Для цитирования / For citation: Волкова П. С., Шаховский В. И. Духовность в аспекте искусства // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2020. № 4. С. 187–198.
DOI: 10.33779/2587-6341.2020.4.187-198.

POLINA S. VOLKOVA, VIKTOR I. SHAKHOVSKY

*Krasnodar Higher Military Orders of Zhukov and October Revolution Red
Banner School named after Army General S.M. Shtemenko
Krasnodar, Russia*

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

ORCID: 0000-0002-2424-7521, polina7-7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1237-1226, shakhovsky2007@yandex.ru

Spirituality in the Aspect of Art

The article is focused on spirituality as a supernatural phenomenon actualized by generation of meaning. While solving within the framework of a poly-paradigm approach the question regarding the dual character of language, the authors postulate the thought that in the case of an individual informational system as a self-organizing natural mechanism language will appear in the guise of a product of activity, being a means of communication. On the other hand, in the case of an individual conceptual system actualized by means of organization of an informational system, language presents in itself a form of activity, demonstrating itself as a means of thinking. At the same time, in both cases a special role is given to emotiveness – a linguistic category which stipulates the motivation of meaning and form. When turning to visual poetry, the authors demonstrate the fundamental incongruity of the analysis of an art work examined from the position of a product of activity and the analysis of the selfsame art work as activity (activity of thought). While the focus at the ready product provides the authorial utterance with the status of a monologue (the communicative impact), the focus on activity initiates the tenability of the harmonizing dialogue (communicative interaction) as an attempt to conciliate the contradictions arising between the author and the reader. The hypothesis is voiced: analogously to the way that nonsense demonstrates itself as the marker of soullessness, meaning generation correlates with the spirit. Pushing off from the dual nature of the human being marked by the biological (material) and social (spiritual) dimensions, the authors carry out the attempt of exegetics of such symbols of the Old and the New Testaments as the Tree of Knowledge of Good and Evil, the Cross and the trinity of the Father, the Son and the Holy Spirit.

Keywords: language as a system, emotive qualities, biological (material) and social (spiritual) dimensions of the human being.

В 2013 году в журнале «MUSIQI DÜNYASI» была опубликована статья И. В. Ефимовой «О “духовной музыке” и о духовности в музыке», в которой автор сетует на неоправданное использование лексемы духовность в аспекте музыкознания, обращаясь к работам отечественных учёных – как теоретиков, так и практиков (имеется в виду опыт композиторского музыковед-

ния). В частности, упоминая имя Софии Губайдулиной, И. В. Ефимова приводит пример «буквального понимания религии», «которым руководствуется в своём творчестве» современный композитор [8]. Цитируя слова Губайдулиной, для которой религия (от лат. re-ligio – восстановление) есть достижение «legato жизни», а когда «жизнь разрывает человека на части», он метафорически выражаясь,

«должен восстанавливать свою целостность...», автор комментирует данное высказывает следующим образом: «К сожалению, композитор никак не объясняет ни природы, ни источника целостности, ни факторов, её разрывающих...» [там же].

Попытаемся восполнить имеющийся пробел, отдавая себе отчёт в том, что именно язык В. фон Гумбольдт рассматривал с позиции духа народа. В поисках ответа на вопрос о «природе и источнике искомой целостности», а также о «разрывающих её факторах», в академическом стиле предпочтительнее безличная форма, ориентированная на полипарадигмальный характер современной науки. Речь идёт об интеграции таких областей гуманитарного знания, как философия языка, аналитическая психология, коммуникология, социо- и психолингвистика, искусствознание, лингвистика эмоций. В качестве *объекта исследования* остановимся на системном характере языка, представленном индивидуальной информационной и индивидуальной концептуальной системами. *Предметом исследования* будет коммуникативная ситуация, реализуемая в одном случае посредством коммуникативного воздействия (монолог), в другом – коммуникативного взаимодействия (диалог). Соответственно, в числе задач, требующих своего решения, назовём следующие:

1) рассмотреть язык на уровне системы, выявив его материальную и идеальную (духовную) стороны;

2) осуществить анализ художественного произведения с позиции отмеченной материальностью продукта деятельности (монолог) и продемонстрировать деятельность (мыследеятельность) по актуализации идеальной (духовной) составляющей художественного произведения (гармонизирующий диалог);

3) предпринять опыт экзегетики ряда религиозных символов, раскрывающих суть духовности в аспекте искусства.

Методология исследования базируется на культурологическом подходе, обуславливающим качество междисциплинарных научных штудий; системном методе, призванном «интегрировать распавшиеся части нашей культуры, науки и деятельности» [15, с. 69], методах атрибуции и интерпретации художественного текста.

Материал исследования подбирался с учётом его наглядности и доступности ввиду необходимости проиллюстрировать разрабатываемые нами положения. Речь идёт о визуальной поэзии Аркадия Драгомощенко «Нумерология 3».

Язык как система

Отталкиваясь от изоморфизма, обнаруживаемого между человеком и текстом [5] – имеется в виду их двойственная природа, – нельзя не признать, что если в отношении художественного текста, будь то музыкальное, визуальное или же вербальное произведение, существует ряд фундаментальных исследований, исключая какие бы то ни было разночтения [2; 7; 11], то двойственная природа человека остаётся под вопросом. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что для осознания своей двойственной природы индивидуум должен выйти за границы самого себя, но, как правило, такого рода деятельность чаще всего и оказывается недостижимой для многих из тех, кто, ничтоже сумняшеся, говорит о себе словами: «я человек», «я думаю»...

Пожалуй, именно подобного рода уверенность и порождает ситуации, когда принимаясь за очередную постановку классического произведения, признанные «мэтры» мировой музыкальной культуры потрясают любителей оперного

искусства «оригинальностью» своего прочтения нетленных шедевров настолько, что лишь профессионализм и мастерство вокалистов и оркестрантов, ведóмых талантливым дирижёром, удерживают мыслящую публику у экранов телевизоров или в зрительном зале. При этом наилучшим оказывается знакомство с новаторством наших современников, осуществляемое «с широко закрытыми глазами». Данная форма восприятия музыкальных «шедевров» не только не мешает, напротив, помогает наслаждаться музыкой как таковой.

По обыкновению, несмотря на то, что ум этих искренне заблуждающихся на своей счёт «гениев» напичкан самого разного рода информацией, разрозненные сведения не складываются в некий целостный образ (мыслеобраз). Их бросает из стороны в сторону, вследствие чего для самих себя они столь же непредсказуемы, как и для всех остальных, кто пребывает в неизвестности относительно того, что ещё от них ждать. Вкусив плоды просвещения и считая для себя возможным жить, что называется, своим умом, без оглядки на какие-либо авторитеты и существующие традиции, такие «художники», тем не менее, несут на себе печать ущербности, являя опыт *бытия в функционировании* (С. В. Кайдаков).

Обозначенный опыт самым непосредственным образом связан с индивидуумом, который предстаёт в качестве носителя информационной системы как автоматически запущенного или иначе – самоорганизующегося природного механизма, призванного обеспечивать процесс накопления и сохранения информации, необходимой для адаптации живого существа к окружающей действительности. Имеется в виду биологическое, то есть сугубо материальное измерение человека. Знаменательно, что отмечен-

ный природный механизм обладает универсальным характером, будучи принадлежностью всего природного мира, частью которого выступает и сам индивидуум. При этом способность говорить не ставит непроходимых границ между ним и, скажем, клопом, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с языковым рефлексом с той лишь оговоркой, что если первый реагирует на внешний раздражитель словами, то второй – специфическим запахом, однако и там, и там как слово, так и запах выступают лишь в качестве средства коммуникации.

Более того, в данном контексте и индивидуум, и клоп призваны выполнять одинаковую для них природную программу, суть которой – выжить любым путём и сохранить себя как отряд, вид, класс, популяцию, что служит природному многообразию, обеспечивающему сохранение закона мерной напряжённости [9]. С этой целью помимо коммуникации природа наделяет всякую тварь познавательной активностью, которая также работает на максимальную адаптацию любой особи к окружающему её природному, а в случае индивидуума – социальному миру. Не случайно, какие бы чудеса эрудиции и кругозора не проявлял такой «организм», его биологическое измерение будет опознаваться в том, что за всеми его поступками и установками будет стоять «шкурный интерес» или так называемый разумный эгоизм. Потому познавательная активность не является прерогативой исключительно человека. В силу того, что её актуальность изначально дана, индивидуум, опирающийся на эту природную данность, обречён оставаться на уровне пассивного потребителя, вследствие чего его творческие интенции будут всегда отмечены вторичным характером, являя собой комбинации с имеющейся наличностью.

Напротив, собственно человеческая деятельность (мыследеятельность), посредством которой личность способна выйти за границы природной программы, выступает коррелятом концептуальной системы, надстраиваясь над информационной структурой. Такая конструкция являет собой единство или иначе – неделимую целостность природного (материя) и надприродного (дух), рационального и иррационального, вербального и невербального, инициируя *бытие в деятельности* (С. В. Кайдаков). По сути, деятельность по актуализации концептуальной системы есть, одновременно, организация системы информационной. Имеется в виду такая сугубо человеческая деятельность, которая противостоит её природной самоорганизации и посредством которой коммуникативная функция языка восполняется смыслообразованием [13]. В данном случае речь идёт о духовном измерении человека.

Важно подчеркнуть, что если информационная система может функционировать безотносительно концептуальной, то система концептуальная рождается исключительно на материале информационной. Другими словами, процесс смыслообразования оказывается возможным только потому, что ему нечто предшествует как изначально данное. Подобное положение дел исключает необходимость придумывать или изобретать смысл, поскольку он потенциально присутствует в том, что уже есть. В этом – его уникальность, ибо смысл утверждает незыблемость связи прошлого, настоящего и будущего. Точнее, когда языковая личность осуществляет процесс актуализации смысла как потенциально присутствующего в имеющейся данности, реализуя установку на искомое единство или иначе – со-бытие данного и созданного, сам факт такой де-

ятельности (мыследеятельности), совершаемой *здесь и сейчас*, делает человека причастным тому, что сохраняет свою значимость *везде и всегда*.

Косвенное подтверждение обозначенной позиции находим в словах Р. Вагнера, высказанных им по поводу хорового финала Девятой симфонии Л. ван Бетховена. Как пишет Вагнер, если «инструменты передают изначальные звуки мироздания и природы; то, что они выражают, нельзя точно определить, нельзя ясно установить их характер, ибо они передают изначальные чувства, как они возникали из хаоса первозданного мира..», то человеческий голос оказывает на них «благодарное и смягчающее воздействие, введя их поток в определённое общее русло» [3, с. 103]. При этом, воспринявшее эти изначальные ощущения человеческое сердце «станет шире и сильнее и обретёт способность осознать в себе божественную сущность, до того жившую в нём как смутное предчувствие высшего существа» [там же]. Более того, организация информационной системы есть пробуждение того нравственного разума, наличие которого не только освобождает нас от гнёта безличностной программы, довлеющей надо всем тварным миром, но и, одновременно, уподобляет жизнь искусству. Здесь уместно обратиться к авторитету Р. Шумана, который писал о том, что законы, которые положены в основание искусства, те же, что и законы, лежащие в основе человеческой жизни¹.

Уточним, что в противоположность инициируемому природой закону естественного отбора речь идёт о нравственном (моральном) законе, который определяет социальное бытие. С этой точки зрения всякое подлинное произведение искусства являет собой образец подлинной, лишённой симулякров,

жизнедеятельности. В качестве примера остановимся на творчестве Аркадия Драгомощенко.

Визуальная поэзия

А. Драгомощенко как данное (материальное) и как созданное (со-бытие материального и идеального)

Обращение к визуальной поэзии нашего современника обусловлено для нас тем обстоятельством, что произведение поэта-концептуалиста с очевидностью демонстрирует возможность подходить к предлагаемому художественному образцу, с одной стороны, как к сугубо материальной вещи, актуальной в своей неподвижности (данное). С другой – как к идеальному феномену, потенциально присутствующему в имеющейся наличности (созданное) (см. рис. 1).

птицы				всегда	
		продажа		кто	
		и			об этом
	здесь		стекло	з	
склон		как	в	над	да
		но это	не	где	

Рис. 1. А. Драгомощенко. «Нумерология 3»

Не вызывает сомнения тот факт, что с точки зрения познавательной активности как неотъемлемой составляющей индивидуальной информационной системы, текст современного поэта предстаёт в качестве ловушки, западни, поскольку значения, с которыми работает читатель, не снимают чувство раздражения в ситуации, когда известные по отдельности слова в совокупности не только не умножают информации, но, напротив, подвергают сомнению ценность знания вписанных в ячейки слов самих по себе. Иначе говоря, отмеченная материальностью данность значений являет собой образец полнейшей бессмыслицы, вслед-

ствие чего мы имеем основание провести аналогию между бессмыслицей и бездуховностью. Налицо продукт некогда осуществлённой поэтом деятельности (мыследеятельности), который воспринимается с позиции сугубо монологического высказывания как разновидности коммуникативного воздействия.

Напротив, реализуемый на уровне индивидуальной концептуальной системы опыт смыслообразования есть сама деятельность (мыследеятельности), нацеленная на одухотворение плоти художественного произведения или воплощение духа в отмеченный материальностью готовый продукт, что инициирует создание некоего идеального содержания. Отдавая себе отчёт в том, что процесс смыслообразования способствует актуализации некогда подвижной в рамках авторской интенции связи визуального и вербального начал, которая в готовом продукте присутствует лишь потенциально, предлагаем несколько вариантов её – связи – восстановления. Важно заметить, что полученный опыт оказался возможным благодаря эмотивности [14]. Речь идёт о лингвистической категории – корреляте эмотивности, которая обеспечивает мотивацию искомой связи вследствие эмотивной валентности слова, создающей прецедент его – слова – неоднозначности. В качестве примера приведём несколько вариантов интерпретации текста А. Драгомощенко:

Есть высота полёта и паренье,
А есть скольженье по наклонной вниз.
Здесь и сейчас одно лишь направленье
Нам выбрать надо, очертив абрис.
Продажа-купля, выгодная сделка –
Всё лишь иллюзия движенья, мы – в плену
Амбиций, статусов, достатка и, как белки,
Мы кружимся, не сняв с глаз пелену.
Стекла прозрачность не даёт возможность
Увидеть жизнь без ложной суеты.

Но если, позабыв про осторожность,
 Не испугаемся объятий пустоты,
 Её заполнив собственным дыханьем,
 Рождённым верой и надеждой на любовь,
 То сохраним себя мы в мирозданье,
 Идя с другим на встречу вновь и вновь!
 (Полина Волкова)

Есть высота полёта и паренья,
 Есть высота грядущего паденья.
 Непросто эти разграничить направленья,
 Любая привлекает высота.
 Путь выгоды и прибыли, бывает,
 Иллюзией успеха привлекает,
 Но только пустотой он души наполняет –
 Как белок в колесе, нас гонит суета...
 Но птица птицей даже в клетке остаётся,
 Она уйдёт в полёт, как только дверь откроется;
 Свет солнца будет тем же светом солнца
 И за большой завесой облаков.
 Так, видимо, незримые богатства
 Дороже тех, что капиталом называются;
 Они в душе живут, они приумножаются
 И не зависят от инфляций и торгов...
 (Екатерина Приходовская)²

Мы можем в небо воспарить, как птица,
 А можем кануть в бездну – камнем вниз!
 Здесь истины не изрекают, лица –
 Продажны, жизнь – причуда, фейк, каприз.
 И как из тупика найти дорогу,
 Когда сам путь – иллюзия, обман...
 Лбом нам не прошибить стекла! В итоге
 Тот победит, кто знает, что лишь сам
 Себе поможет. О, мой бедный странник,
 Терпи, молись, работай, но не спи!
 Всё лишь в тебе, ты – схимник, не изгнанник,
 От мира суетного вглубь себя иди!
 (Полина Волкова)³.

Специально подчеркнём, что присутствующее в одной из ячеек таблицы (решётки; клетки) число 3, которое мы склонны отнести к доминирующим сигналам текста, на что указывает сумма горизонтальных и вертикальных линий визуальной основы стихотворения, а также его вынесение в название творения поэ-

та, в каждом из предложенных образцов опознаётся по-разному. Если в первом случае оно угадывается на уровне содержания – речь идёт о таких лексемах, как *вера, надежда и любовь*, то во втором – на уровне формы. Имеется ввиду объединяющая три строки рифма (*паренья, паденья, направленья; бывает, привлекает, наполняет; остаётся, откроется, солнца; богатства, называются, приумножаются*). В свою очередь, последний пример содержит косвенное указание на интересующее нас число напоминанием о важности в жизни каждого человека, стремящегося выйти за пределы накладываемых природой границ, научиться делать три дела: терпеть, то есть быть мужественным; работать, непрестанно прилагать усилия для становления своего внутреннего человека; и молиться. В данном контексте молитва выступает знаком духовной практики, трансцендирования.

Думается, что каждый из предложенных вариантов восстановления искомой связи вербального и невербального есть своего рода ответ на художественную речь автора, который ставит читателя перед необходимостью постигнуть идею созданного им произведения. При этом установка на распознавание авторского замысла являет собой разновидность коммуникативного взаимодействия. Последнее являет собой гармонизирующий диалог как опыт по согласованию противоречий, когда против речи автора читатель выстраивает собственную речь, осуществляя акт со-бытия данного и созданного. В итоге в полном соответствии со системной-структурной методологией «“наложение” на уже существующую организованность новой структуры... приводит к новой организованной структуре, или, что то же, по-новому структурированной организованности» [16, с. 261].

Опыт экзегетики ряда религиозных символов, раскрывающих суть духовности в аспекте искусства

Спроецировав всё вышеизложенное на пространство религиозного опыта, выскажем следующее предположение. Наличие у любого природного существа такого «устройства», как индивидуальная информационная система, выступает коррелятом Бога-Отца. По сути, данная система и являет собой знак Его любви ко всем своим созданиям. В свою очередь, Бог-Сын опознаётся в том, что человек, осознавший однажды свою принадлежность обоим мирам – миру материи и миру духа и сделавший выбор в пользу Духа, тем самым обрекает на смерть свою плоть, жертвуя собой во имя других. Символом такого разрыва или иначе – распятия между временным и вечным, смертным и бессмертным и выступает Крест. Тогда Дух – это незримая связь прошлого, настоящего и будущего, которая вносит некий порядок в течение времени, ибо, обретая смысл в том, что уже есть, мы живём с оглядкой на прошлое, закладывая фундамент будущей жизни. С этой точки зрения мысль о том, что «Вначале было Слово...», заслуживает полного доверия, поскольку только смысл как связь внешнего и внутреннего, дискретного и континуального, данного и созданного, вербального (рационального) и невербального (иррационального), противостоящий бессмыслице, основанной на смешении разорванных (разомкнутых) частей, вносит упорядоченность в жизнедеятельность человека и природы.

Знаменательно, что если на уровне информационной системы как актуальной реальности индивид выступает по отношению к природе в качестве механически оторгнутой от целого части по

той простой причине, что в своём биологическом измерении человечество с неизбежностью нарушает природный порядок, опознаваемый на уровне закона мерной напряжённости [9], то концептуальная система как актуализируемая виртуальная реальность, являющая собой коррелят нравственного закона, – вносит новый порядок, отличный от природного. Речь идёт не о безличностном законе, неизменном для всякой твари, но о личностном выборе каждого конкретного человека. Думается, что в данном контексте ветхозаветная история, повествующая о грехопадении Адама и Евы, отведавших запретный плод с древа познания добра и зла, есть дошедшая до нас из глубины веков весть. Имеется в виду тот факт, что знания, усваиваемые вне осознания имманентного единства внешнего и внутреннего, дискретного и континуального, вербального и невербального, природного и надприродного как основы мироздания, обрекают человека на гибель. Знаком последней становится подмена целого – частью, вследствие чего внешнее остаётся без внутреннего, дискретное без континуального, вербальное без невербального, природное без надприродного.

Заключение

Возвращаясь к вопросу о «природе и источнике целостности», а также «факторах, её разрывающих...» [8], заметим, что природа целостности зиждется на со-бытии биологического и духовного измерений человека, вследствие чего плоть одухотворяется, а дух становится воплощённым. При этом источник истинной целостности в языке как продукте деятельности (информационная система), опираясь на который языковая личность осуществляет язык как деятельность (концептуальная система). Что же касается факторов, разрывающих

искомую целостность, то, несмотря на реальность как информационной, так и концептуальной систем, первая всегда актуальна, вторая – виртуальна. Соответственно, если опора на информационную систему формирует тип потребителя – В. Хлебников называл таких людей приобретателями, – то опора на систему концептуальную инициирует рождение творца или, по Хлебникову, изобретателя.

Учитывая всё вышеизложенное, мы не можем согласиться с отдельными положениями, высказываемыми И. В. Ефимовой. В частности, настаивая на том, что «нет и не может быть бездуховных явлений в искусстве, – по крайней мере для тех, кто признаёт реальность духовного начала в человеке», отечественный искусствовед игнорирует тот факт, что бездуховные явления – неотъемлемая сторона жизни индивида, чьё существование протекает на уровне информационной системы. Здесь уместно напомнить, что если функционирование концептуальной системы невозможно без системы информационной, в лоне которой она и рождается, то информационная система может функционировать безотносительно концептуальной. Думается, что об этом говорит и Блаженный Августин, поучая, что каждый, будучи рождён от «осуждённого отростка сначала по необходимости бывает по Адаму злым и плотским, а потом, когда, возродившись, возрастает во Христе, становится добрым и духовным...», однако, «хотя не всякий злой человек будет добрым, никто, однако же, не будет добрым, кто не был злым...» [1, с. 156].

Аналогичным образом и другая точка зрения И. В. Ефимовой, согласно которой «“бездуховность” – понятие весьма условное, так как духовная сущность человеческой личности неустранима...» [8] видится не вполне корректной. Дело

в том, что если духовная сущность человеческой личности неустранима как потенция, то бездуховность как «продукт» индивидуальной информационной системы есть актуальная реальность. Поэтому, если подлинное искусство служит языковой личности в качестве некоего ценностного ориентира, воплотившего в себе единство материального и идеального (духовного), то искусство, основанное на ловкой манипуляции с наличностью, если и может потрясти воображение, то только игрой ума, но никак не глубиной и масштабом затрагиваемых вопросов, которые обретают статус вечных как в пространстве искусства, так и в пространстве жизни.

Подводя итог проделанной работе, заметим, что в целом установка на смыслообразование как опыт постижения идеального начала, потенциально присутствующего в художественном творении, может быть реализована исключительно тогда, когда осуществляющий эту установку субъект оперирует языком не только на уровне рефлекса, как это происходит в контексте индивидуальной информационной системы. В этом случае независимо от того, с производением какого вида искусства придётся работать читателю, слушателю или зрителю, художественный образец всякий раз будет подвержен атрибуции, исключающей возможность выхода за границы предметности.

Подлинно духовный анализ искусства доступен только тем, кто с очевидностью демонстрирует способность оперировать языком на уровне рефлексии, как это происходит в контексте концептуальной системы. В этом случае художественное произведение предстаёт полем методологических операций, обуславливающих результативность множественных интерпретаций/реинтерпретаций

творения мастера в полном согласии с отстаиваемым М. М. Бахтиным положением о бесконечности всякого диалога. Актуализация подобного опыта представлена в таких знаковых для современного отечественного музыкознания и, шире – искусствознания – научных школах, как школа профессора Валентины Николаевны Холоповой (Москва), в рамках которой были разработаны три новых для российского музыкознания научных направления – теория музыки как вида искусства, теория музыкальных эмоций, теория и история музыкальной ритмики

[10]; школа музыкальной семантики профессора Людмилы Николаевны Шаймухаметовой (Уфа) [12]; школа музыкального содержания профессора Людмилы Павловны Казанцевой (Астрахань) [4]. Несмотря на то, что исследовательская оптика каждой из школ сфокусирована на разных проявлениях опредмеченного в музыке инобытия человека, тем не менее, разрабатываемые в рамках этих школ направления с неизбежностью дополняют друг друга, обеспечивая проникновение в самые потаённые сферы духовной составляющей музыки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ У Р. Шумана данная мысль сформулирована так: «[55] Законы морали те же, что и законы искусства» [15, с. 182].

² Екатерина Анатольевна Приходовская – профессиональный композитор (член Союза композиторов РФ), доктор искус-

ствоведения, доцент Института искусств и культуры Томского государственного университета, профессор Российской Академии Естествознания, член Российского Союза писателей.

³ Подробнее см.: [6, с. 26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. О граде Божием. Минск: Харвест; АСТ, 2000. 1296 с.
2. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 257–318.
3. Вагнер Р. Паломничество к Бетховену // Вагнер Р. Изданные работы / сост. и коммент. И. А. Барсовой, С. А. Ошерова; вступ. ст. А. Ф. Лосева. М., 1978. С. 85–106.
4. Волкова П. С. Научная школа Л. П. Казанцевой: опыт десятилетия // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2019. № 4. С. 90–101. DOI: 10.17674/1997-0854.2019.4.090-101.
5. Волкова П. С. Человек и текст: к вопросу об изоморфизме // Научный потенциал вуза – производству и образованию: сб. мат. I Межд. науч.-практ. конф. Армавир: АГПУ, 2019. С. 258–264.
6. Волкова П. С. Смерть как социокультурный феномен: монография. Саратов: СГК, 2019. 80 с.
7. Даниэль С. М. Термин и метафора в интерпретации живописного произведения // Советское искусствознание. Вып. 20. 1986. С. 255–269.
8. Ефимова И. В. О «духовной музыке» и о духовности в музыке // MUSIQI DÜNYASI (Мир музыки). № 1 (54). Баку, 2013. С. 92–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20916075> (дата обращения: 12.09.2015).

9. Кайдаков С. В. Дары Прометея // Человек. 2001. № 6. С. 42–53.
10. Комарницкая О. В. Research Works in Contemporary Music in the Musicological School of Valentina Kholopova / Исследования по современной музыке в научной школе Валентины Холоповой // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2017. № 4. С. 49–69. DOI: 10.17674/1997-0854.2017.4.049-069.
11. Медушевский М. М. Духовный анализ музыки. М.: Композитор, 2016. 630 с.
12. Шаймухаметова Л. Н. Семантический анализ музыкального текста (о разработках проблемной научно-исследовательской лаборатории музыкальной семантики) // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2007. № 1. С. 31–43.
13. Шаховский В. И., Волкова П. С. Смысл как психо- и социолингвистический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2019. № 4 (58). С. 1–26. URL: <http://www.tverlingua.ru> (дата обращения: 25.20.2020).
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
15. Шуман Р. О музыке и музыкантах: собрание статей. В 2 т. Т. 2-Б. М.: Музыка. 1979. 294 с.
16. Щедровицкий Г. П. Избранные работы. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.

Об авторах:

Волкова Полина Станиславовна, доктор искусствоведения, доктор философских наук, профессор кафедры русского языка, Краснодарское высшее военное Орденов Жукова и Октябрьской Революции краснознамённое училище имени генерала армии С. М. Штеменко (350063, г. Краснодар, Россия), **ORCID: 0000-0002-2424-7521**, polina7-7@yandex.ru

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, главный научный сотрудник, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400066, г. Волгоград, Россия), **ORCID: 0000-0002-1237-1226**, shakhovsky2007@yandex.ru

REFERENCES

1. Avgustin Blazhenyyu. *O grade Bozhiem* [St. Augustine. The City of God]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST, 2000. 1296 p.
2. Bakhtin M. M. Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The Issue of Content, Material and Form in Verbal Artistic Creativity]. *Bakhtin M. M. Raboty 1920-kh godov* [Mikhail Bakhtin. Works of the 1920s]. Kiev, 1994, pp. 257–318.
3. Wagner R. Palomnichestvo k Betkhovenu [A Pilgrimage to Beethoven]. *Wagner R. Izdannyye raboty* [Wagner Richard. Published Works]. Compilation and commentaries by I. A. Barsova, S. A. Oshero; introductory article by A. F. Losev. Moscow, 1978, pp. 85–106.
4. Volkova P. S. Nauchnaya shkola L. P. Kazantsevoy: opyt desyatiletiya [The Musicological School of Liudmila Kazantseva: The Experience of a Decade]. *Problemy muzykal'noj nauki / Music Scholarship*. 2019. No. 4, pp. 90–101. DOI: 10.17674/1997-0854.2019.4.090-101.
5. Volkova P. S. Chelovek i tekst: k voprosu ob izomorfizme [The Human Being and the Text: Concerning the Question of Isomorphism]. *Nauchnyy potentsial vuza – proizvodstvu i obrazovaniyu: sb. mat. I Mezhd. nauch.-prakt. konf.* [The Scholarly Potential of the University – Production and

Education: A Compilation of Materials of the First International Scholarly-Practical Conference]. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2019, pp. 258–264.

6. Volkova P. S. *Smert' kak sotsiokul'turnyy fenomen: monografiya* [Death as a Socio-Cultural Phenomenon: Monograph]. Saratov: Saratov State Conservatory, 2019. 80 p.

7. Daniel' S. M. Termin i metafora v interpretatsii zhivopisnogo proizvedeniya [Terms and Metaphors in the Interpretation of Painting]. *Sovetskoe iskusstvoznanie* [Soviet Art Criticism]. Vol. 20. 1986, pp. 255–269.

8. Efimova I. V. O «dukhovnoy muzyke» i o dukhovnosti v muzyke [About “Spiritual Music” and Spirituality in Music]. *MUSIQI DÜNYASI (Mir muzyki)* [MUSIQI DÜNYASI (The World of Music)]. No. 1 (54). Baku, 2013, pp. 92–101.

URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20916075> (12.09.2015).

9. Kaydakov S. V. Dary Prometeya [The Gifts of Prometheus]. *Chelovek* [The Human Being]. 2001. No. 6, pp. 42–53.

10. Komarnitskaya O. V. Issledovaniya po sovremennoy muzyke v nauchnoy shkole Valentiny Kholopovoy / Research Works in Contemporary Music in the Musicological School of Valentina Kholopova. *Problemy muzykal'noy nauki / Music Scholarship*. 2017. No. 4, pp. 49–69.

DOI: 10.17674/1997-0854.2017.4.049-069.

11. Medushevskiy M. M. *Dukhovnyy analiz muzyki* [A Spiritual Analysis of Music]. Moscow: Kompozitor, 2016. 630 p.

12. Shaymukhametova L. N. Semanticheskiy analiz muzykal'nogo teksta (o razrabotkakh problemnoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii muzykal'noy semantiki) [The Semantic Analysis of a Musical Text (on the Development of the Problem Orientated Laboratory of Musical Semantics)]. *Problemy muzykal'noy nauki / Music Scholarship*. 2007. No. 1, pp. 31–43.

13. Shakhovskiy V. I., Volkova P. S. Smysl kak psiko- i sotsiolingvisticheskiy fenomen [Meaning as a Psycho- and Sociolinguistic Phenomenon]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal]. 2019. No. 4 (58), pp. 1–26. URL: <http://www.tverlingua.ru> (25.20.2020).

14. Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [A Linguistic Theory of Emotions]. Moscow: Gnozis, 2008. 416 p.

15. Shuman R. *O muzyke i muzykantakh: sobranie statey. V 2 t. T. 2-B* [Schumann R. On Music and Musicians: Compilation of Articles. In 2 Vols. Vol. 2-B]. Moscow: Muzyka, 1979. 294 p.

16. Shchedrovitskiy G. P. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki, 1995. 800 p.

About the authors:

Polina S. Volkova, Dr.Sci. (Arts), Dr.Sci. (Philosophy), Professor at the Russian Language Department, Krasnodar Higher Military Orders of Zhukov and October Revolution Red Banner School named after Army General S. M. Shtemenko (350063, Krasnodar, Russia), **ORCID: 0000-0002-2424-7521**, polina7-7@yandex.ru

Viktor I. Shakhovsky, Dr.Sci. (Philology), Professor at the Department of Linguistics, Chief Researcher, Volgograd State Social and Pedagogical University (400066, Volgograd, Russia), **ORCID: 0000-0002-1237-1226**, shakhovsky2007@yandex.ru

